

русский. Он спросил, знаю ли я местность, ему надо выбрать ровную площадку для временного аэродрома. Я сел рядом с ним в машину, мы выехали за село и через полчаса нашли нужную площадку, поскольку местность вокруг села была удивительно ровной, это все была пойма реки Дунай и ее притока Савы.

Подполковник высадил меня в селе. На мой вопрос, не пригодился бы я ему впредь, потому как начинал войну зенитчиком, а у них наверняка есть БАО – батальон аэродромного обслуживания, где я служил после ранения, подполковник ответил, что в войска поступил строгий приказ: «Никого со стороны не брать, только через запасной полк, после проверки Особым отделом».

– Жди, скоро будет приказ, когда и куда явиться.

Приказа не было ни в октябре, ни в ноябре, ни в декабре. Нас, русских, в селе осталось трое. Остальные куда-то выехали, исчезли и французы и голландцы.

Мой хозяин, батя Ферро, стал подозрительно на меня поглядывать. Однажды он спросил меня: точно ли я русский и почему не иду опять служить в армию.

Я с трудом объяснил ему ситуацию, но сам понял, что надо искать новое место жизни, новое жилье.

С питанием вопрос решился проще, новые хозяева села устроили столовую для набираемого пополнения в Югославскую Армию, в этом Сельсовете хорошо знали, кто такой Палё-рус и прикрепили меня к этой столовой.

Жилье мне предложил батя Адам Дюришев, глубоко верующий человек, баптист. Он жил напротив бати Ферро, на той же улице. Это был мужчина за 60 лет, жена у него недавно умерла, оставил ему шестерых детей. Младшей было лет 5, а старшей был 21 год. Она вела хозяйство в доме, а дом был большой. Две ее сестры работали в огороде, брат выучился на столяра и начинал работать самостоятельно, предпоследний мальчик был школьником.

Все были при деле, а я? Тут на помощь снова пришел батя Ферро. Он предложил мне поработать на мельнице,